

РУБЕЖИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В.А. Кутырёв

10.7256/1999-2793.2013.01.9

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ КОГНИТИЗАЦИЯ МИРА ВЫЖИВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?*

Аннотация. Когнитология — теория информационно-коммуникационного мышления без сознания, образов и психики. Лишённое рефлексии оно превращается в искусственный интеллект. В онтологическом плане это будет постчеловеческий мир Иного. Задачей философии науки является формирование в среде духовной элиты навигаторов по процессам взаимодействия качественной и когнитивной форм бытия, а также трансмиссия этих способностей в общество. Ради выживания в высокотехнологичном мире мы должны культивировать геоцентрически и антропологически вменяемое сознание.

Ключевые слова: философия, когнитология, сознание, мышление, информация, иное, навигатор, трансмодернизм, геоцентризм, антропология.

1. От сознания к мышлению

Развитие философии в первые две трети XX века — это процесс ее истощения как онтологии и шире — метафизики, содержанием которого было окончательное торжество сознания над бытием, идеального над материальным, логоса над поэзисом и фюзисом. Неокантианство, гуссерлевская феноменология, структурализм, лингвистика, логический позитивизм, аналитическая философия — избавляясь от бытия, все они сосредотачиваются на сознании. Точнее, как потом окажется, на ментальности и его/её внешнем выражении — языке, слове, «науке». Разумом, сознанием, умом, мышлением, познанием, «эпистемологией» становится всё (до времени различия между ними были не важны). В них живут, с ними работают. Метафизика, обязательно предполагающая онтологию, остаётся на обочине. Но «прогресс не остановишь», счастье редко бывает долгим. В результате происшедшей во второй половине века информационной революции мир вступил в эпоху постмодерна.

Постмодернистская деконструкция, постструктурализм — это атака не только на бытие, «присутствие», но и на сознание. На язык и слово. На Логос. Наряду с широко известной борьбой Ж. Деррида против «лого(с)центризма», рубежное значение здесь имели идеи Р. Рорти, особенно его книга «Философия и зеркало природы» (1979 г.).

Об окружающей человека природе, разумеется, речь в ней не идёт, однако разбивается и зеркало как её отражение; даже как «прожектор», которым, начиная с Канта, «высвечивали» реальность, форм(ир)уя вещи. «Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чём должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «философии» как она воспринималась со времён Канта»¹.

Р. Рорти провозгласил «смерть эпистемологии», место которой должен занять элиминативный материализм, что означает редукцию сознания к физиологии, к «конфигурации нервных окончаний мозга». Вторая глава упомянутой книги называется: «Личности без умов» (!). Предполагается, что любое ощущение передаваемо без апелляции к психике и ментальности. Все высказывания о мире могут быть скоррелированы с состоянием нейронных связей и, например, вместо того, чтобы предупреждать ребёнка о горячем утюге, пугая, что при прикосновении к нему будет больно, матери будут говорить: «не трогай, он стимулирует

* Продолжение статьи: Кутырёв В.А. Когнитизация реальности в ее философско-историческом выражении // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 17-26.

¹ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

С-волокна». Так устраняется психофизический дуализм и снимается так называемая трудная проблема «таинственной природы ментального». Снимается, но «как бы».

Физиологический редукционизм слишком примитивен, чтобы на нём остановиться. Он ограничивает возможности обработки и искусственной имитации внешнего мира. Поэтому в дальнейшем, Р. Рорти дополняет его языковым и текстуалистским редукционизмом². Другие «элиминаторы», например, Д. Деннет, с них начинают, а заканчивается все у всех представителей аналитической философии *информационной теорией сознания*. Или когнитизмом как логико-математическим бихевиоризмом/редукционизмом, из чего следует, что функции сознания могут выполняться на любом другом, не обязательно физиологическом материале и другими, не обязательно «ментальными» способами. Известный мысленный эксперимент с «китайской комнатой» показывает, что находящийся вне её человек не сможет отличить живое сознание того, кто действительно знает китайский язык от производимых по определённым правилам ответов на задаваемые вопросы того или чего, кто/что этого языка не знает. «Дух в машине» становится самой машиной. В таком случае вся наша психика, сознание, ментальное — это проявление фолк-психологии, «вторичные качества», которые должны преодолеваются и отбрасываться, подобно тому, как наука преодолела, отменила цвета, представив их в виде разной длины электромагнитных волн. Критики Р. Рорти, Д. Деннета и прочих сторонников полной элиминации сознания не случайно называют их теории «философией зомби».

Стать Зомби — это пугает, но только сначала, до принятия на передовых рубежах прогресса известного лозунга «смерти человека», после чего можно уже ничего не бояться. Зомби — предварительное состояние, своего рода болезнь к этой смерти, обусловленная подавлением нашей способности к смысловой рефлексии, предше-

ствующая окончательной потере идентичности, что даже несколько утешает: не так сразу и скоро. В настоящее время в рамках когнитивистской концепции замены сознания информацией идет интенсивное обсуждение перспектив создания Зомби. «Полноценный Зомби» — это существо, которое хотят получить в процессе, вернее, результате работ по соединению человека с компьютером и над роботами с искусственным интеллектом³. Подобно тому, как самолёт не машет крыльями, но летает быстрее птицы, так эти Артефакты смогут выполнять деятельные функции человека, не воспроизводя его физиологически, психологически или ментально. Значит и без сознания, как нашего «субъективного переживания мира» и «привилегированного доступа» к себе. У них будет свой, *постаналоговый* «привилегированный доступ» и своё «самоописание».

Означает ли лишённость сознания то, что *Данные* (полученные «из» или оставшееся «без», вместо человека) Создания, перестанут ориентироваться в окружающей их среде? Изменять её? Нет, ибо они будут иметь /останутся с мышление/м/. Останутся способными к спонтанной, априорной, синергетически самоорганизующейся функциональной активности.

В нашей философско-психологической литературе раньше и без сомнения глубже Р. Рорти, так как, опираясь на марксистскую традицию социокультурной трактовки сознания, он не ограничивал себя дилеммой Mind-Body, эти проблемы обсуждал выдающийся советско-российский постмодернист, гуманитарный технолог Г.П. Щедровицкий. Согласно «мыследеятельностной теории» сознание и мышление это принципиально разные феномены. Характеризуя этапы развития возглавлявшегося им методологического (постгносеологического, постэпистемологического, *трансцендентально-конструктивного, направленного к когнитивизму*) движения, он говорил: «Я должен сделать следующий шаг. Одним из важнейших результатов последующего периода — 60-х, нача-

² В целом рассуждения Р. Рорти можно квалифицировать как философию программирования. Он предлагает реформатировать естественно-языковое мышление аналогично тому, как это делают программисты при описании задач для компьютера. Машинизируют их. Указание не столь простой, до очевидности, факт рефлекторной обусловленности ее, да собственно всей(!) аналитической = научной философии развитием предметно-технической реальности в XX в., обесценивает великое множество споров по «трудной проблеме сознания». И построенных в ней изоциренных теорий. Грустно.

³ См. например: Алексеев А.Ю., Кураева Т.А. Проблема зомби и перспективы проекта искусственной личности // *Философия искусственного интеллекта*. М., 2005. А также: Pollock J. 1989. *How to Build a Person: A Prolegomenon*. Cambridge, MA: Bradford Books, MIT Press; Kirk R, 2003. *Zombies* /Stanford Encyclopedia of Philosophy/ [http://plato/Stanford.edu/entries/zombies/](http://plato.Stanford.edu/entries/zombies/) и др. Появились защитники «прав роботов» в мире человека. Скоро, по-видимому, появятся защитники «прав человека» в мире роботов.

ла 70-х годов — было различие *мышления как субстанции и сознания*. И надо спрашивать, как устроено сознание, и разрабатывать теорию сознания как таковую. И это — совершенно особая дисциплина. Сначала надо строить философию сознания, потом науку о нём, если она возможна. Но это — то, чем я не занимаюсь, и я там мало что понимаю. А вот мышление — это не сознание. *Мышление — это особая субстанция*. Вот что мне важно различить»⁴.

Таким образом, если сознание неотъемлемо от человеческого индивида, его телесности, физиологии, чувств и переживаний, то мышление есть некий самостоятельный процесс и функция места. Оно происходит не (непрерывно) в голове, «между ушами», как изящно выражаются сторонники растворения сознания вовне, и не (обязательно) биологично, телесно. Отсюда следует, что его носителем может быть не только человек, а любое иное Нечто. И только в том числе — человек. Казалось бы, неразрывная цепь: жизнь-человек, сознание-мышление — разрывается. Живое изгоняется из своего последнего убежища. Чтобы никакого «водно-углеродного шовинизма». *Рокковой разрыв*.

В классическую эпоху отделять сознание от мышления никому не приходило в голову. Различали разум и рассудок, но не качественно, а «по качеству», как две «способности души»: высшую и низшую. Первая направлена на постижение абсолютного, божественного, бесконечного, рассматривает причины, цели и смысл явлений, вторая на предметы земные и конечные, их описание, анализ, классификацию. После философской смерти Души и Духа вос-приемником обеих этих способностей стало Сознание. Было привычно думать, что всякое мышление есть сознание, логос, язык. Что это словесное обозначение какого-то содержания, его «обработка» и движение в понятиях, суждениях, умозаклчениях, которые, в конце концов, дают нам модель мира, позволяя ставить цели, решать задачи по его познанию и преобразованию. Вопрос о возможности мышления без словесного выражения, или хотя бы внутренней речи, без рефлексии был дискуссионным, в большинстве случаев решаясь, особенно если это теоретическая, а не художественно-эстетическая сфера жизни, в

пользу языка как «непосредственной действительности мысли». На восхвалении языка и словесного текста передовые гуманитарии XX века истёрли все свои языки. Великие языки! И вот тебе на...

В сущности говоря, модернистская эпоха совпадает с эпохой Логоса. Это докогнитивистская, доинформационная, дотехнологическая эпоха, хотя в ней зарождалось и первое, и второе, и третье. *Постмодернизм — начало новой, «снимающей» человека эпохи Матезиса*. Это эпоха перехода от языка и дискурса (оказывающихся годными только для «домашнего хозяйства»), к «письму» (программированию!), от смысла к «пустым знакам» и информации, ставшее состояние которой даёт трансмодернизм, философией которого является трансцендентализм, а «обнаученной» формой когнитивизм. Увы, язык теперь придётся при(от)кусить. Добровольно, за ненадобностью. *Когнитология — теория мышления без сознания, то есть без содержания и смысла, тем более без образов и психики*. В перспективе — без субъекта = означающего. Молчи и пиши, «шевели клавишей» (мозговыми нейронами) — говорит она человеку, лишая его ответного слова. Результат проверим путём тестирования. А может, в скором будущем, и прямого (дистанционного) сканирования (вот откуда поступает заказ на дегуманизацию образования, «министры» с тупой добросовестностью его лишь исполняют).

К высказыванию М. Хайдеггера «наука не мыслит» часто относятся как к парадоксальной, слегка шокирующей, идиоматическо-метафорической фразе: что поделаешь, «антисциентист». То же самое, однако, признают, считая достоинством, логические позитивисты (истинными могут быть только аналитические высказывания, идеалом познания являются полностью формализованные теории) и понимают многие, особенно неординарные, учёные. «Предложения математики, равно как и законы логики, записываются при помощи особой символики в виде формул без участия словесных выражений. *Требование осмысленности высказываний заменяется при этом правилами составления формул* (курсив мой — В.К.). Процесс логического вывода заменяется манипуляциями с такого рода формулами по точно и ясно указанным правилам. Теория задаётся правилами составления формул, исходными формулами и правилами механического получения из одних формул новых формул»⁵.

⁴ Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004. С. 100.

⁵ Александров А.Д. Основания геометрии. М., 1987. С. 219.

Если посадить эти положения на достижения «прикладного», т.е. компьютерного исчисления, то мы получим когнитивное познание. Во всей красе и мощи, уповая на которые транс(про)грессивные теоретики с гордостью сообщают: «За нас думает математика». И теперь, продолжив до ближайшего к нам времени, можно по достоинству оценить стандартную характеристику когнитивизма: «С конца 60-х гг. анализ природы человеческого познания с помощью информационных моделей становится общепринятым подходом. В результате здесь постепенно стало доминирующим направление, ориентированное на создание новых когнитивных компьютерных моделей (напр., разработанная ещё в 1958 программа Логический Теоретик), которые в принципе могли бы рассматриваться как достаточно адекватные имитации различных аспектов человеческого познания»⁶.

Имитации познания и мышления в виде вычисления. Познания без языка(!), и мышления (!) = восприятия, представлений и понятий. *Познания без понимания.* Познания как (не)познания. Без смыслов и значений, от которых оно только отталкивается в его начале или они «вышелушиваются» в его конце, *при интерпретации*, культивировать способность к которой становится всё труднее, поскольку под влиянием машинного мышления человек постепенно совсем перестаёт понимать *о чём, о какой реальности и зачем мыслит.* Не в этой ли положительной обратной связи, все больше порождающей «мыслящих зомби», одна из причин быстрого распространения когнитивных методов в философии и забвения ее экзистенциально-мировоззренческого на/значения?

2. От мышления к когнитивной реальности

Будем, однако, верить, что (пока) мы находимся в сознании и надо успеть понять, как

Более концептуально об этом см.: Кулаков Ю.И. Теория физических структур. М., 2004. Проблема раскола духа на сознание и мышление есть завершение «основного вопроса философии» как борьбы материального и эйдетического, содержания и формы, идеального и трансцендентального, диалектической и математической логик. Поучительно, с высоты «торжествующего когнитивизма», было бы вновь передумать историю этой прогрессивной трагедии изживания духом самого себя.

⁶ Когнитивная наука. Новая философская энциклопедия М., 2001. Т. 3. С. 264.

возникает и существует мышление сначала без сознания, а потом и без человека. *Без рефлексии.* = *Как специфическая реальность.* Естественно, отталкиваясь от человеческого сознания, достигнутого в своём историческом восхождении по ступеням абстракции предела и переступившего его ради достижения чистой априорности (в терминах метафизики — «меонности», ибо само априорное=доопытное=внеэреальное состояние есть, в пределе, Ничто). Другими словами, от сознания, ставшего трансцендентальным, превратившегося в «голую», формальную мысль, пройдя путь *from consciousness (mind) to mind (intellect).* «После Канта и Лобачевского», открывших перспективу существования иных, неевклидовых миров. «После А. Пуанкаре и Г. Перельмана», до(по)казавших возможность, а, может быть, неизбежность, и принципиальную форму/лу перехода из нашего мира в миры иного. Такое мышление вряд ли можно считать познавательным и деятельностным. Потому что оно больше не направлено на существующую реальность и, не воспроизводя, не преобразуя её, рекурсивно конструируется. Самоорганизуется. Направлено *на и от* самого себя, к другому, включая себя как другого. Непрерывное движение вовне — через различие. Через отрицание идентичности любого сущего: различие и повторение, различие и повторение; повторение, но постоянно от(раз)личного. Если функционально это автоматизм, то «по содержанию», это *состояние коммуникации.* Коммуникация — другая ипостась информации. Информации не «о чём-то» (репрезентирующей, интенциональной), а как таковой (функционирующей, субстанциальной). Это процесс её «жизни», её (не)существования. Бытия нет, есть со-бытие. Событие во времени. Без пространства, протяжённости, телесности. Постмодернистская онтология — это онтология коммуникации, а коммуникация есть «детерриториализованная» информация в действии. *В актуальном (не)бытии.* Именно коммуникативная трактовка мышления позволяет перейти к мышлению-без-о-сознания, базой которого является компьютерная технология, а «голово-ручное» естественное мышление, хотя бы и математическое, предстаёт его предпосылкой, подготовкой к нему. Последней ступенью ракеты, которая отстреливается после преодоления виртуально-космическим кораблём земного притяжения и выходом в постчеловеческий Техн(косм)ос.

Коммуникационная трактовка мышления является продолжением информационной теории сознания. Информационная теория, лишая сознание субъектности и семантики, фактически превращает его из сознающего мышления в мышление-исчисление, которое теперь правильнее называть (так и называют) — *Интеллектом*, раскрывающим себя через распознавание образов, кодирование, декодирование, конфигурацию и прочие способы преобразования информации. При этом, однако, остаётся проблема: где источники и механизм существования духа, «кастрированного» до постсознания-мышления-интеллекта? Он пока мёртвый, «спит». Информация, если ее никогда не запрашивают, текст, который никто не читает, человек, который ничего не хочет, существуют только /им/потенциально. А субъекта действия больше нет. Выход в том, что в роли запрашивающего вполне может быть как другой человек, так и «агент» — другая информация, другой текст — «субъектное». В этом суть *коммуникационной онтологии*.

Поскольку на практике с каждым годом мы плотнее и толще завёртываем себя в кокон паутинного (не)бытия, в около и собственно философско-теоретических кругах информационный бум сменяется коммуникационным: основываются журналы, открываются кафедры, создаются факультеты коммуникации. Коммуникация больше не является средством связи между вещами, телами и субъектами, т.е. формой передачи содержания. Она онтологизируется: *media is message*, — объявил М. Маклюэн. Оказывается, что до коммуникации у людей не может быть никаких понятий, они создаются в процессе коммуникации. «Трансмиссионная» модель коммуникации сменяется «*конститутивной*», т.е. бытийствующей. Примерно в это же время К.-О. Апель развивает идеи о том, что основой всего является идеальное коммуникационное сообщество и, модернизируя Канта, вводит понятие «априори коммуникации». Буквально до абсурда, до патологии, считая коммуникацией всё, что можно помыслить, доводит коммуникативизм Н. Луман. *Место Бога* или *матери* (самое слабое, требующее веры, место в теоретическом обосновании «староевропейской» метафизической философии), *место* кантовской трансцендентальной и гуссерлевской «аналогизирующей» *apperцепции* (самое слабое, требующее веры, место в обосновании трансцендентализма и феноменологии), отныне занимает *Коммуникация*. Да ладно бы «от-ныне». Так нет, /от/ всегда

и навсегда. Коммуникацию всерьёз предлагают считать субстанциальной сущностью мира и человека. Опять от века. Наиновейшая редакция *Книги Бытия*: «В Начале была Коммуникация... Всё через неё начало быть, и без Неё ничего не начало быть, что начало быть». Ни одна, существующая 5-10 лет теория, по историческим меркам сиюминутная, на меньшее — не соглашается. Вот такое теперь «архе».

Эта сметающая всякий историзм, истину, а теперь и смысл, подавляющая любые попытки думать о целях и последствиях прогресса, *сила* подпитывается не только экспансией «обыкновенной» коммуникации. Если информация почва, то коммуникация — способ существования когнитивного (искусственного) мышления-интеллекта. Искусственный интеллект часто представляют как имитирующий поведение отдельного человека, в виде оснащённого мышлением робота. Между тем правдоподобнее считать, что, обладая коммуникационной природой, он представляет собой формализованное «распределённое мышление». Всемирная коммуникационная паутина (Интернет), глобальная электронно-информационная Сеть — это всеобщая «ризом», Матрица как грибница Интеллекта, на которой и из которой вырастают его конкретные формы. Её грибовидные «протуберанцы». Одновременно — это гробница сознания, она лишает людей-индивидов самости, превращая в агентов-«дивидов», эффект коммуникационного взаимодействия которых на порядки выше, чем если бы это было суммацией индивидуальных результатов. При/павших к(в) ней и в(за)ключённых в неё (ин)дивидов она «начинает» не просто информацией, а программой (не)их действий.

В статусе подобного бессубъектного интеракционизма когнитивный интеллект является не познанием чего-то или отражением какой-то реальности, а именно самой реальностью. Новой. Виртуальной и опредмеченной, о(за)хватывающей собой (в себя) природу, используя её как материал, а человека превращая в своего агента, лишая тем самым — обоих — идентичности, а значит их «первой», бытийной реальности. Она существует, но не действительна. Как «вторичные качества». Если в начале модернистской эпохи вторичные качества признавались результатом чувственного моделирования мира, т.е. мнимыми, в её конце таковым признаётся и его словесно-мыслящее, дискурсивное моделирование. В теории деконструкции одной из почтенных является категория логотомии. Почти

лоботомии, если опуститься на физиологический уровень. Не случайно, среди «про(с)двинутых» когнитивистов распространяется «логофобия». В позднем постмодернизме её «позитивной» формой как выражением полного преодоления лого(с)центризма (дискурса) стала грамматология Деррида и трансцендентальная семиотика Аппеля: наконец-то *никакого смысла*.

И философия computer science встраивается, составляя фундамент, в (со)здание эпохи трансмодерна.

Приобретая субстанциальные характеристики, и экспансионистски распространяясь, постчеловеческий искусственный интеллект начинает существовать по собственным законам. Не в качестве конструкта людей, созданного ими, а как *саморазвивающаяся* реальность: artificial nature. Конструктивистская идеология, едва успев овладеть умами философских новаторов, вытесняется «новым эволюционизмом», а лучше бы сказать, ин(о-э)волюционизмом (для нас). Этот будто бы «натуралистический поворот», когда о нем толкуют в контексте когнитивизма, суть антинатуралистический поворот, при котором Разум, приобретая статус универсального natural intelligence, уравнивается со Вселенной, и оба, не различаясь, предстают в виде «матрицы и её информационных полей». Что и есть будто бы наконец-то «подлинное бытие». Для его субстратного воплощения как Вселенной «It,s from bit» началась разработка так называемых «машин созидания» — самодействующих нанороботов, которые будут производить подобную *когнанотивную* реальность непосредственно. На фоне столь грандиозных успехов в распространении и материализации вычислительного мышления, а также по мере того как виртуальные (в смысле — потенциальные) микро, нано и мега миры становятся реальными, «естественными», наш естественно-реальный макромир становится искусственным, виртуальным (в смысле — мнимым). *Перверсия миров!*

Таким образом, если посмотреть на когнитологию как явление несколько глубже, чем принято, то это и не «логия» (изначально), и не познание (теперь). *Это процессы математического цифрового моделирования сущего и становления/конструирования на их основе искусственной постчеловеческой реальности*. Естественно-научная триада: материя — жизнь — сознание трансформируется в трёхуровневую иерархическую комбинацию дигитальных сетей: информацию — коммуникацию — искусственный интеллект, который,

конвергируясь с нанотехнологиями, с объективной необходимостью будет преобразовывать Землю в другую, чуждую «этно-фоно-фалло-логоцентричному» человеку планету. Которую больше некому будет познавать. Да что: «будет». В передовых рядах теоретиков науки процесс самоотрицания начался на практике. Провозглашается, что наблюдатель теперь должен находиться не вне познаваемого процесса, а в нем. Внедренным в него. «Экзофизику» должна сменить «эндофизика»⁷. Так возникает новая, замкнутая на себя кибернетическая (компьютерная) модель мира. Но мы ее уже не увидим, ибо наблюдать без рефлексии, не отличая себя от объекта, значит перестать быть наблюдателем и превратиться в то, что наблюдается. «Уйти в машину». В универсум World Wide Grid, который поглотит наш мир как черная дыра. Любая ноосфера без рефлексиирующего наблюдателя — просто сфера. Только на другом субстрате. Захотев познать океан, соляная кукла вошла в него и растворилась там. Она стала его частью. *Данными Сети*. И все, конец (света).

Таким может быть результат исторического движения человечества от «бытия-в-мир(ф)е» (мифопоэтическая эпоха) к бытию как «картине мира» или «бытию-в-Боге» (метафизика), потом к «(не)бытию-в-сознании» (трансцендентализм, феноменология, структурализм), далее, через деконструкцию субъектного логоцентристского сознания к бессловесному и бессмысленному грамматологическому (трансцендентально-семиотическому) (не)бытию как «мышлению-без-сознания» (трансмодернизм) и, наконец, этапу искусственного технического интеллекта как трансгрессии к «небытию-в-ином». К Инобытию. К «alter world», «another world» («позитивная смерть», «перезажизнь», «бессмертие», «творческое исчезновение» и прочий самообман). И всё через трагическую диалектику непрерывного «снятия» как отрицания одного состояния бытия другим. Ответственно с-мыслящие люди склонны считать, что в таком случае для человечества настали последние времена. Оно вступает в эпоху Апокалипсиса.

3. Конец света отменяется

В последнее время постиндустриальная информационная цивилизация предпочитает называть себя другим именем: «общество знания».

⁷ См.: Finkelstein D. Quntum Relativity: a synthesis of the ideas of Einstein and Heisenberg. Springer, 1996.

Подобное переназывание следует признать её идеологической потребностью. Это *потребность в незнании* (непонимании) того, что происходит на самом деле, ибо истина настоящего положения Homo vitae sapiens противоречит его природе, как в телесной, так и в разумной ипостаси. Его антропологическая идентичность как определённой формы бытия начала изменяться в сторону самоотрицания. Процесс когнитизации влияет, прежде всего, на «sapiens», поскольку «по истине и на самом деле» формируется общество постсмыслового мышления-исчисления, всё более автоматизирующегося и синергетически саморазвивающегося (это утверждение можно подкрепить бесчисленными фактами и самопризнаниями его членов). Другими словами — это «общество незнания», в котором процесс потери сознания как понимания идёт полным ходом. Общество не-о-сознающее, но информационно эффективное и *без(д)умно* производительное, отчего когнитивно-техническое знание-незнание, незаметно, но довольно быстро становится парадигмальным способом отношения к миру. Всё больше людей, охотнее пишущих, чем говорящих. В дальнейшем бессознательное знание будет существовать, передаваясь без «выведения вовне», «от мозга к мозгу» или во взаимодействии нейронов мозга с компьютером, над чем упорно работают в лабораториях технопарков и о чём день и особенно ночь/ю/ мечтают теоретики так называемого церебрально открытого общества. Или по-другому — виртуально коммуникационного общества. Ещё по-другому — нейросоциума. И во всех случаях это — *пост(транс)общество*. (Не)общество (не)знания.

Чтобы не путать новое бессознательно-бессловесное знание с традиционным бессознательным как интуитивным и образным, его лучше характеризовать как «пост» или «сверх» сознательное. «Пост» или «сверх» определяется ценностно, нашим отношением к нему. Если «пост» — то отношение отрицательное, ибо, теряя сознание, мы перестаём быть по-человечески осваивающими мир существами. Мы падаем в информационную могилу. Отсюда горечь и ужас, желающих продолжения жизни консерваторов. А если «сверх», то удовлетворительное, ибо, преодолевая мудрость, мы выходим на новый уровень владения миром. Вплоть до алхимического преобразования его и себя. Отсюда радость прогрессоров, что снимаются ограничения, накладываемые на мышление нашей биологической природой, хотя человек при этом становится «человеческим фактором», крайне не-

совершенным, везде тормозящим и мешающим, но, «к счастью», мало чего определяющим. «Сделано без человека» — вот идеал качества продукта или надёжности любого процесса. При наличии компьютерных способов обработки информации мыслить в нём своей головой то же самое, как вести устный счёт в уме или столбиком на бумаге или, стоя рядом с многокубовым экскаватором, копать землю детской лопаткой. Никто устно и не считает. Подобно тому, как перестали копать и считать, постепенно перестаю(ну)т думать и говорить. Не будут культивировать. Ни землю, ни головы. Очевидно, что буквально в ближайшее время передовые теоретики, как осуществленный идеал «личностей без умов», некогнитивное смысловое мышление признают архаическим, а его носителей безнадёжными ретроgrадами. Быть «в сознании», понимать, что написано и что происходит, будет неловко, стыдно, а потом опасно.

Сознание (сознающее мышление) антропологично и социально. По сути, оно всегда апостериорно, в нём различаются субъект и объект, цели и средства, внешнее и внутреннее. Интеллект-мышление (мыслящее бес/над/сознательное) технично и универсально. По сути, оно всегда априорно, самоценно, однородно и тождественно себе. Редукция сознания к мышлению с очевидностью коррелятивна превращению личности в «мыслящего зомби» и «утрате социального», о чем тревожатся все сколько-нибудь глубоко прогнозирующие аналитики тенденций развития современного мира. Чистый разум — чистая глупость, — оценивал Ницше зарождение этого подхода в кантовской философии. Но дело, как видим, оказалось серьезнее. И теперь вопрос Дижонской академии, на который отвечал Ж.Ж. Руссо: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов» должен звучать более радикально: «Способствует ли когнитизация мира выживанию человечества?». Ответ будет как у Руссо — увы — нет! Только с намного более драматичными последствиями: это процесс «изживания» мира. На глазах всех, кто еще хочет видеть (дальше хода E-2 — E-4). Под крики о новациях и когнитизме прогрессивно прогрессирующее человечество стремится к совершению последнего математического действия — вычитанию себя из самого себя.

Противоречием между смысловым и техническим мышлением объясняется парадокс, характерный для людей западной цивилизации, особенно американцев. Низкий, сугубо утилитарный в сравнении, например, с советско-российским, уро-

вень образования, культуры и духовного развития создателей информационных и нано технологий вполне сочетается с высокими достижениями в их создании. В скорости и богатстве цивилизации. Не только сочетается, а возможно предполагается. Это значит, что полноценное развитие личности и словесное мышление — тормоз прогресса и нас на самом деле ожидает «расчеловечивание человека», в авангарде которого так называемые социально-гуманитарные (=антигуманные) технологии, распространяющиеся подобно лесному пожару, пожирая внутриличностные смыслы и ценности, религию, мораль, все культурные регуляторы социума. Начальными, кустарными этапами данного процесса можно считать практику хаббардизма и нейролингвистического программирования, выливающуюся, в конечном счете, в так называемые «высокие» информационно-гуманитарные технологии (Hi-Tech и Hi-Hume) манипуляции человеком и его сознанием. *Технологии апокалипсиса*. Возникают «люди без груди», «без тимоса», «последние люди», как, вспоминая Ницше, определяет их известный Ф. Фукуяма, описывая состояние современного западного либерально-технологического общества как конец его истории. Особенно в «место-рождениях» высоких технологий, технопарках и наукоградах⁸. И всё-таки он не в авангарде новационного поток(н)а. Новейший, трансгрессивный этап развития — это движение от человека «без груди» (лучше бы перевести — без сердца?), к человеку «без головы», (точнее — без субъектности?), от человека «без тимоса» (духа) к человеку без логоса (зомби), от последнего человека к постчеловеку. Идеал всадников трансгресса — «всадник без головы».

Поскольку у пленённых техноинтеллектом людей нет сознания, они, превращаясь в зомби, не будут знать, когда их не будет. Апокалипсис отменяется. *На плане смыслов* он уже произошёл, а по форме это событие осуществляется не обязательно в дыму и пламени. Наоборот, конец света приходит «на голубиных лапках», мы им захвачены. Передовой отряд современной цивилизации с адской скоростью и сверхъестественной энергией трансгрессирует *по нуми Mortido — в Рай*. К счастливой, техногенно-потребительской, «ангелической» смерти. Её коварная антивиталистская нигилистическая сила питается тем, что этот путь де(э)волюции человека всё более лёгкий, комфортный. И настолько, что благодаря

исповедуемым ценностям и образу жизни, под флагом свобод и либерализма, ставящего права индивида выше прав родового человека, само/до/вольно глупеющие трансформеры в Иное больше не утруждают себя воз-рождением, вымирая буквально, статистически. Чем богаче они живут, тем беднее их жизненный потенциал. При этом любая, подрывающая перспективы человеческого рода патология, в конце концов, возводится в норму и апокалипсис как прогресс к смерти посредством ухода в машину, маскируется вариациями на темы бессмертия, способы достижения которого живописуются самыми соблазнительными красками, правда, естественно, «в новой парадигме» — как искусственного, виртуального и soft (мягкого)!: «Представьте диск, скрывающийся в тёмной щели компьютера. Он мягко входит туда, как бы втягивается принимающим устройством — и затем информация, записанная на нём, считывается в память компьютера. После чего следует команда «trash», и информация стирается с гибкого диска, сбрасывается в мусорный ящик, который время от времени опорожняется. Это и есть смерть. Информация записывается в память на жёсткий диск — та, что называется «бессмертием» или «спасением души», — и стирается с диска, на который была первоначально записана...

Может быть, человеческие организмы — это такие диски...»⁹.

Тихо! Идёт Этаназия.

* * *

У живых людей нет выхода, кроме как быть оптимистами. Состояние (без)сознания при этаназии — одна из форм этого оптимизма. Однако как быть тем, *кто чувствует* всё более «невynosимую лёгкость» наступающего (не)бытия? И к счастью/сожалению, не может не думать, не удовлетворяется психологической защитой от реальности аргументами типа: «это эмоции», «преувеличение», «ещё не скоро», «это пессимизм», «прогресс не остановишь» и т.п.? Как быть тем, *кто понимает*, или — больше, не удовлетворяясь ролью белки в колесе, имеет мужество смотреть дальше своего носа; *как быть* философ(о)ам (по) жизни, а случается и философам *ex professo*, многим, но с рефлексией?

В Откровении Иоанна Богослова, последнему Всаднику апокалипсиса на коне бледном — Смерти предшествуют три других: империя (Римская,

⁸ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.

⁹ Эпштейн М. «Из Америки». Екатеринбург, 2005. С. 557.

как поработоритель иудеев) — конь белый, война — конь рыжий и голод — конь вороной. В истории культуры эти бичи Божии, символы бедствий человечества изменялись. В средние века, например, всадник империи стал всадником чумы. Применительно к техногенной информационной цивилизации на коней бедствия как посланцев судеб божиих, кроме угрозы войны, надо посадить, по-видимому, перерастающие в трансгуманизм медицину и потребительство. Всадниками апокалипсиса в философии, теории и методологии науки стали *детерминизм* (идеологически перерастающий в фатализм), *редукционизм* (идеологически перерастающий в техносциентизм) и *новационизм* (идеологически перерастающий в трансгрессизм).

Да, как ни странно, в некогда свободном либеральном обществе господствует настроение невозможности какого-либо поворота в сторону от технизма и потребительства. «Иного не дано» — вот лозунг, под которым проходит глобальная унификация и стандартизация жизни людей. Заветным желанием становится не свобода, а безопасность, ради которой приветствуется любой контроль, лишь бы он был не духовный, личностный, а внешний, «зомбический». Культурные регуляторы социальных отношений заменяются технологическим манипулированием. Пребывая на небесах, Дж. Оруэлл, по-видимому, находится в смятении, ужасаясь и радуясь силе своего предвидения. Утверждения, что «человек изначально свободен», «в жизни всегда есть выбор», «любая экзистенция уникальна», несмотря на подкрепление авторитетом Великих Имен, не находят отклика в тотально поражённом фатализмом сознании. Это всего лишь заклинания, «философия». Тем более, что уже отмечалось, растёт число ситуаций, в которых человек обходится без потребности в понимании смысла своих действий. «Общество знания» не любит Знание. Вместо него насаждается компетентность, т.е. знание, где найти информацию (в Интернете, естественно) и перекombинировав, передать дальше как своё (не)знание. Если культивирует, то *ad marginem*, допуская в избранных институциональных резервациях, а общий поток устремляется к «когнитивному переформатированию мира». *Нужна бы экология со(по)-знания.*

Представляется, что идеи поворота к самосохранению или надежды на него могут «овладеть массами», особенно интеллектуальными, если их искать в самой сфере их занятий — науке и

технике. А они там есть, коренятся в содержании происходящей технонаучной революции: синергетика как теория самоорганизации всего сущего построена на фундаменте «хаосмоса», открытости к любым поворотам и предполагает фазы бифуркации как моменты принципиальных перемен в направлении развития; конструктивизм и потенциализм исходят из «ничто» как максимальной возможности «всего»; совершенно не совместима с детерминизмом и фатализмом теория катастроф; центральным в computer science является понятие гипертекста, предполагающего возможность выбора ходов и связей. И т.д. и т.п. в духе археоавангарда. Применительно к социуму это значит, что свобода и выбор существуют, они фундированы современными процессами в науке и технике. Из десятков, сотен проектов и теорий, так или иначе, реализуется что-то одно. Выбор тем или иным образом происходит, но по случайным, сиюминутным, далёким от действительного блага самих выбирающих, не говоря об обществе в целом, соображениям. В таком случае философия, вместо пересказа и пиара бесчисленных достижений технонауки, должна показывать последствия разных вариантов их использования, раскрывая влияние этих достижений на перспективы общества, искать и предлагать выходы из обусловленных ими кризисных ситуаций. Создание антидетерминистской, антифаталистической, антитехнототалитаристской социально-экзистенциальной атмосферы — предпосылка формирования действительно открытого общества. Открытого не к глобалистской энтропии, уничтожающей идентичность стран, этносов, полов, возрастов, личностей и не к «когнитивному переходу», которого жаждут трансгуманные футуро(идео)логи меганауки и чистого технического разума, а к выживанию человека как уникальной, ничем (для нас!) не заменимой, специфическо-антропологической формы бытия.

В условиях редукции познания к когнитивизму, когда «интеллектуальные» технологии отменяют необходимость в собственно человеческом мышлении, главной задачей *философии науки* становится разработка методов переключения занятых в них людей от формального способа освоения реальности к содержательному. Другими словами, *сохранение их способности к сознанию.* Необходимо развивать умение работать сразу в двух типах пространства-времени — «быстром», виртуальном хронотопе информационных потоков и «медленном», предметном пространстве

времени традиционной культуры, улавливать, выделять и удерживать в (дез)информационном шуме и (дис)коммуникационной какофонии *Голос(зов)=молчание бытия*. Нужно поддерживать потребность в периодическом выключении когнитивной сферы «письма» для возвращения в сферу переживаний, интерпретации, языка и смыслов, в переходе от компетентности к знанию и пониманию. Умение пробывать в информационно-виртуальной реальности туннели в предметно-аналоговый мир, относительно безболезненно входя и выходя из неё, есть подлинное искусство *навигации* в постчеловеческих мирах иного. Подготовка такого рода интерпретаторов и навигаторов, *геоцентрически и антропологически* *вменяемой, ответственной перед жизнью духовной элиты* должна стать главным оправданием существования философии в век техники. Это будет действительно ее *высокое соприкосновение* и никем, в ситуации *Hi-Tech* незаменимая, уникальная Миссия. Правда, для начала, философам самим надо плавать не по воле волн, а быть штурманами корабля человечества, подавая пример деятельно спаси(а)тельного образа жизни.

Решение этой задачи и реализация феноменологической, антидетерминистской, антиредукционистской, антиновационистской программы предполагает преодоление представлений о линейном характере мирового развития как своего рода «вселенского детерминизма и редукционизма», называемого Универсальной эволюцией, которая фактически является научно-мировоззренческим обобщением самоценности прогресса как непрерывного возникновения нового. Новизна становится бесцельной целью деятельности техногенной цивилизации, что в социальном плане выражается концепцией «инновационного общества». Согласно ей, предназначение любой формы сущего состоит не в том, чтобы существовать, а чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то новым, более совершенным. Достигнутое новое должно замениться новым новым, потом опять новым и т.д. без конца и какого-либо бытийного смысла. Цель движения видится в самом движении, в его дурной бесконечности. Популяризуется отмеченный еще Э. Тоффлером («Шок от будущего») девиз, уместный скорее не для человечества, а для какого-то обезумевшего стада (леммингов?): «Скорость перемен более важна, чем их направление». Всё это прямо противоречит концепции устойчивого развития, предполагающей «динамическое равновесие», т.е. сохранение того, что развивается. Идео-

логия ин-новационизма трансформирует прогресс в прогрессизм или, другими словами, превращает его в трансгресс. В контексте метафизики, вернее, борьбы с ней в постмодернизме, она, вместо субстанционального принципа изменяющейся вечности (тождества и противоречия) опирается на реляционный принцип вечного изменения (различия и повторения).

Самая трудная проблема человеческой, а не постчеловеческой, посюсторонней и феноменологической, а не трансцендентальной философии — отразить, не теряя бытия, динамизм и коммуникационизм наступившей (на нас) эпохи. Думается, что это возможно при постулировании в качестве его первоначала принципа *бесконечной множественности миров*, т.е. различных форм бытия (тождества-в-различии). Их единства в многообразии, существующих «неслиянно и нераздельно», непрерывно взаимодействующих и коэволюционирующих. Вместо универсального эволюционизма — *Универсальная коэволюция*. Именно в этом направлении ведутся новейшие изыскания в русле так называемого пост-постмодернизма, «возврата к Платону» и «воскрешения философии». В них, однако, дело обычно сводится к цифровой онтологии, виртуалистике и онтологии коммуникаций, в свете чего всё сущее, включая логос, предстаёт как иллюзия, майя. Истинным бытием объявляется математика, её «пустые множества»¹⁰. Происходит своего рода «возврат к реализму», но, увы, как отрицающему нашу идентичность, Иному. Нашему ничто. Представляется, что идея бесконечной множественности миров должна и может разрабатываться феноменологически: в макрофизическом и антропологическом плане. Это проблематика универсального взаимодействия разных форм жизни и разума без их редукции к какому-либо одному уровню. В том числе, и, прежде всего, не допуская подмены качественной человеческой реальности информационно-компьютерной, её познавательно-аналогового воспроизведения трансцендентально-когнитивным, а проживания Бытия — его «электронным моделированием». Это проблематика мультиверсализма (много-

¹⁰ См. например: Бадью А. Делёз. «Шум бытия». М., 2004; Нанси Жан-Люк. БЫТИЕ единичное множественное. М., 2004. Фактически работая в русле когнитологии, эти могикане (последние столпы) французского постмодернизма не употребляли данного понятия, как не показывают своей связи с трансцендентализмом, что явно ослабляет философское обоснование выдвинутых ими «транссовременных» идей.

мирия) и археоавангарда, когда рефлексия любого новейшего научно-технического знания проводится с целью поиска в нём возможностей сохранения и укрепления традиционной антропологической формы сущего. Проблематика *экологии Бытия и его Смысла в нашем мире, Dasein*, которая составляет суть столь необходимой сейчас

философии авангардного консерватизма. Суть **сопротивления трансгрессу**. Тогда можно считать, что исторический вопрос Ж.Ж. Руссо, обострившийся до основного вопроса без ответа (философии) нашего времени: «В (ни)куда идёт человечество?» окончательно не решился. Решается...

*Spiro spera!*¹¹

Список литературы:

1. Александров А.Д. Основания геометрии. М., 1987.
2. Алексеев А.Ю., Кураева Т.А. Проблема зомби и перспективы роста искусственной личности // Философия искусственного интеллекта. М., 2005.
3. Бадью А. Делёз «Шум бытия». М., 2004.
4. Игнат'ев М.Б. Кибернетическая картина мира. СПб, 2010.
5. Когнитивная наука. Новая философская энциклопедия М., 2001. Т. 3.
6. Кутырев В.А. Бытие или Ничто. СПб, 2010.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
8. Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004.
9. Философия сознания (классика и современность). М., 2007.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 1994.
11. Эпштейн М. «Из Америки». Екатеринбург, 2005.
12. Finkelstein D. Quantum Relativity: a synthesis of the ideas of Einstein and Heisenberg. Springer, 1996.

References (transliteration):

1. Aleksandrov A.D. Osnovaniya geometrii. M., 1987.
2. Alekseev A.Yu., Kuraeva T.A. Problema zombi i perspektivy rosta iskusstvennoy lichnosti // Filosofiya iskusstvennogo intellekta. M., 2005.
3. Bad'yu A. Delez «Shum bytiya». M., 2004.
4. Ignat'ev M.B. Kiberneticheskaya kartina mira. SPb, 2010.
5. Kognitivnaya nauka. Novaya filosofskaya entsiklopediya M., 2001. T. 3.
6. Kutyrev V.A. Bytie ili Nichto. SPb, 2010.
7. Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody. Novosibirsk, 1997.
8. Shchedrovitskiy G.P. Ontologicheskie osnovaniya deyatelnostnogo podkhoda. Iskusstvennoe i estestvennoe // Na doskakh. Publichnye lektzii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo. M., 2004.
9. Filosofiya soznaniya (klassika i sovremennost'). M., 2007.
10. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee. M., 1994.
11. Epshteyn M. «Iz Ameriki». Ekaterinburg, 2005.
12. Finkelstein D. Quantum Relativity: a synthesis of the ideas of Einstein and Heisenberg. Springer, 1996.

---

¹¹ Дыши, надейся! (лат.)